
Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

Историография и экзегеза (на материале Толковой Палеи и Пророчества Соломона)

В данной статье речь идет о текстах, для которых провиденциальное в истории является важнейшей и исключительной темой. Представленный в них толковательный тип повествования, который можно условно назвать палейным, лежит на границе историографии и богословия и рассматривает историю как предмет экзегезы. Ближе всего к этому типу в древнерусской литературе находится повествование хронографическое: и материал, на котором оба типа основываются, и его интерпретация во многом совпадают. Хроники и хронографы нередко дают подробнейшие богословские толкования событий, а Толковая Палея (далее — ТП) в свою очередь предлагает последовательное изложение истории от сотворения мира до царствования Соломона. Оба типа рассматривают историю как цепь событий, имеющих провиденциальные причины. Разница между ними в том, что палейное повествование ограничивается библейскими сюжетами, в то время как хронографы содержат и небиблейскую историю.

ТП, о которой прежде всего пойдет речь, является выдающимся образцом средневековой типологической экзегезы. Типологический метод экзегезы устанавливает связи между лицами, событиями, предметами или числами, причем видит их на фоне соотношения Ветхого и Нового Заветов. В христианской литературе этот метод используется уже в Евангелиях: трехдневное пребывание Ионы в чреве кита уподобляется пребыванию Христа во гробе (Мф. 12:40), а вознесение Моисеем змеи в пустыне — вознесению Христа (Ин. 3:14), причем оба сопоставления принадлежат самому Христу. Использование же понятия *тип* в христианской экзегезе восходит к апостолу Павлу, обозначившему Адама как *τύπος* Христа (Рим. 5:14), а иудеев в пустыне — как *τύπος* (в смысле предупреждения) для христиан (1 Кор. 10:6). Типологический метод распространился довольно быстро: основные пары типов и антитипов мы найдем уже у доникейских отцов Церкви.

В связи с типологическим методом экзегезы Р. Бультман различает собственно типологию, предметом которой является повторение событий, и другой, родственной ей метод, который в текстах Ветхого Завета ищет предсказания и сферы которого, таким образом, является исследование выполнения пророчеств. Первый из названных методов оперирует циклическим временем, второй — линейным.¹ К. Вулкомб очерчивает границы

¹ Bultmann R. Ursprung und Sinn der Typologie als hermeneutischer Methode // Theologische Literaturzeitung. 1950. N 4—5. S. 205.

типологической экзегезы более резко, выделяя еще один родственный метод, с которым не следует смешивать типологию. Речь идет об аллегории.² Аллегория К. Вулкомб определяет как поиск скрытого значения, сопровождающего основной смысл повествования, причем значение это лежит вне исторических рамок выполнения пророчеств, располагаясь в сфере философских или нравственных абстракций.³

В ТП в разной степени представлены все три указанных метода экзегезы,⁴ но основным из них является, несомненно, типологический. Явное предпочтение типологического метода аллегорическому отражало, на наш взгляд, общее преимущество образного (в смысле *τόπος*) мышления над категориальным — по крайней мере к XVIII в., когда и была создана ТП. Аллегорией в том смысле, в каком их понимает вышеприведенное определение (в духе Филона Александрийского), ТП почти не содержит, поскольку все предпринимаемые в этом тексте сопоставления лежат в русле истории спасения. Вместе с тем ряд приводимых в ТП типологий имеет в большой степени аллегорический характер. Например, древу, превратившему во время странствия Израиля горькую воду в сладкую, противопоставляется крестное дерево, «осладившее» горькие воды неверия.⁵

Минимальное использование рассуждений посредством категорий компенсировалось тем, что сами исторические лица и события, абстрагируясь, становились, по сути, категориями. Повествуя об императоре Феофиле, Георгий Амартол называет его новым Валтасаром и Валаамом, вторым Нектоном, идущим по пути Каинову. Обращаясь к недавно умершему императору, Георгий говорит: «Ты с Иродомъ гонитель, ты с Иудою предатель, обаче яко не удавом покаание показуа, якоже и онъ; христуубица с Пилатом и с иудеи ненавистобожи иже святымъ досадитель. Иероваомъ реши искренее ли Ахава израильтянина незаконнику, ли фараона египтянина, ли Навходносоръ асурянинъ, ли, вся си събравше, единого в них тя наречемъ, зане всѣхъ злобиа и в себѣ является събравъ — Иероваамле отступление, и Ахавле убиство, фараоне жесто-

² В отличие от толкований с точки зрения выполнения пророчеств или аллегорических толкований, присущих и иудаизму, историческая типология, как подчеркивает К. Вулкомб, является специфически христианским методом. См.: Woolcombe K. *The Biblical Origins and Patristic Development of Typology // Essays on Typology*. London, 1957. P. 42. В свою очередь, говоря о специфике раввинистической экзегезы в сравнении с христианской, К. Хруби отмечает, что в рамках первой аллегория не распространялась на элементы доктринальные и вероисповедные. См.: Hruby K. *Juden und Judentum bei den Kirchenvätern*. Zürich, 1971. S. 12.

³ Woolcombe K. *The Biblical Origins...* P. 39—42. Уточнение относительно историчности аллегории как метода экзегезы существенно, потому что «поиск скрытого значения» определяет, по сути, и типологию. То, что указанные методы не всегда различаются, связано с тем, что аллегорическое толкование Священного Писания в основе своей типологично. См.: Emminghaus J., Hödl L., Riedlinger A. *Allegorie // Lexikon des Mittelalters*. München: Zürich, 1980. Bd 1. Sp. 422. Об использовании аллегорической экзегезы на материале древнерусской литературы см.: Зеemann К. Д. Приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 105—120. Об аллегорической экзегезе см. также: Lubac H. de. *Exégèse médiévale: Les quatre sens de l'écritures*. Paris, 1959. T. 2. P. 489—548.

⁴ Существуют более нюансированные, хотя и не всегда более удобные, классификации экзегетических методов, материалом которых является история. Так, от понятия «тип», наряду с «пророчеством», предлагается отличать «парадигму» — перечисление целого ряда лиц или предметов с определенным качеством — и «пример», подразумевающий дидактическое, а не прообразовательное значение события, как, скажем, в тексте 1 Кор. 10:6—11, рассматривавшемся обычно в качестве образца типологии (см.: Schrenk S. *Typos und Antitypos in der frühchristlichen Kunst*. Münster, 1995. S. 27—34).

⁵ Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892—1896. Стб. 513.

косердие, Навходносорово святоунырение?».⁶ Но фактическая категоричность библейских лиц и событий не отнимала у них первоначального, исторического смысла. Эта способность текста восприниматься одновременно на нескольких уровнях на Западе отразилась в доктринальной формуле о четырех смыслах Священного Писания: «historicum, allegoricum, tropologicum et anagogicum».⁷

Будучи формально герменевтическим методом, средневековая типология в то же время никогда не рассматривалась как просто метод, потенциально пригодный для толкования заключенного в себе «материала». В глазах средневекового книжника эти отношения были двусторонними. «Материал» не просто ждал своего истолкования. Он был выстроен единственно возможным образом — в прямом соответствии с «предназначенным» ему осмыслением, причем и события, и их осмысление не находились во временных отношениях: и то и другое существовало изначально как два качества одной и той же сути. Ставя вопрос, почему Бог не открыл Иакову того, что Иосиф жив, ТП отвечает на него так: «Того ради Богъ не откры ему яже о Иосифъ, аще бо бы ся открыло Иакову, то избавиль бы Иосифа от работы и не бы Иосифомъ прообразоваль страсть свою Владыка».⁸

Типологические пары ТП, в большей своей части вполне традиционные, сведены нами в отдельную таблицу, помещенную в конце статьи.⁹ Приведем текст двух фрагментов, наиболее концентрированно отражающих типологический метод палейной экзегезы. В толковании рассказа о рождении Исава и Иакова сказано, что «рука же Иаковля прилпаше к пять Исаовъ, тѣмже прообразова тою рожество Завѣта Моисѣова и крестьяньска, си бо бѣста брата собѣ единѣмъ отцемъ и единою матерью рожена, такоже и закона оба от единого Бога изидоста. Закона бо вданя Богомъ по всему подобие себѣ имѣта: в Ветѣсьмъ Законѣ взгласиша 70 пророк таины Божия, в Новѣмъ же Законѣ 70 апостолъ проповѣдаша чюдеса Божия и научиша страны вѣровати к Богу; въ Вѣтѣсьмъ же Законѣ великихъ пророкъ 12 и Иосиина чадь, в Новѣм же Законѣ 12 апостол великих; въ Вѣтѣсьмъ же Законѣ преданы быша скрѣжали, в Новѣм же Законѣ преда ны Богъ Еуангелие; в Ветѣсьмъ же Законѣ призва Богъ 2 брата — Моисѣя и Арона, а в Новѣмъ же такоже призва Петра и Андрѣя; в Ветѣсьмъ же Законѣ обрѣзанье, а сде — крещенье».¹⁰ В одном из обличений иудея ТП упоминает о Христе, «иже на дрѣвѣ пригвождается — за Адама, соблазнившася древомъ, иже родися от Дѣвицѣ — изведъ изъ Адама жену девицею, иже кровь свою пролья на крестѣ — за пролившую кровь Авелеву от Каина брата своего. Тоиже и в водѣ крещается не имьи сквърны — за погыбшее ествоство челоувѣчьское водою. Тотъ и в камени положень бысть — за Невретово здание столпу».¹¹

В то время как поводом для сопоставления типа с антитипом является чаще всего внешнее сходство, связь их внутри такого сопоставления может определяться отношением как преемственности (Авель — Иосиф — Моисей — Христос), так и противопоставления (Адам — Христос, Ева —

⁶ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 501—502.

⁷ См.: Lubac H. de. Exégèse médiévale... Т. 2. Р. 423.

⁸ Палей Толковая... Стб. 360.

⁹ Комментируя их, В. М. Истрин писал: «Несомненно, также самому автору принадлежит ряд символических сближений между Ветхим и Новым Заветом, хотя выделить здесь самостоятельное от заимствованного далеко не всегда представляется возможным» (Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы. Пг., 1922. С. 221).

¹⁰ Палей Толковая... Стб. 291—292.

¹¹ Там же. Стб. 328.

Богородица). Поясняя ветхозаветные события новозаветными (в данном случае для нас несущественно, собственные или заимствованные это толкования), ТП всякий раз кладет в основу одну из традиционных типологических пар, снабжая толкованиями едва ли не каждую деталь соответствующего сюжета. Так, сказав, что Иосиф был прообразом Христа, ТП сопоставляет братьев Иосифа с иудеями и Иудой Искариотом, пребывание Иосифа во рву — с Христом во гробе, приход Иосифа в царство египетское — с вознесением Христа, снятую и измазанную кровью козленка ризу Иосифа — с разделом войнами одеяний Христа. Та часть истории Иосифа, где измаильтяне ведут Иосифа в Египет, сопоставлена с тем, как иудеи вели к Пилату Христа. Обличение Иосифом жены Потифара связывается с обличением Христом самарянки, заключение Иосифа под стражу по навету жены Потифара — с распятием Христа по требованию иудеев. Сюжет об Иосифе и двух слугах фараона соответствует евангельскому повествованию о распятии Христа с двумя разбойниками, изведение Иосифа из темницы — воскресению Христа, повеление Иосифу быть судьей всему Египту — грядущему суду Христа, имя, данное Иосифу фараоном (Псонфомфаних), — именованию Христа Вседержителем. Предвидению Иосифом семи лет голода в Египте и собиранию им запасов пшеницы противопоставлены уготованные для людей Богом семь тысяч лет, под собираемой же пшеницей понимаются апостолы, пророки, святители, преподобные, мученики и мученицы. Голоду в земле Иакова соответствует духовный голод, постигший иудеев. То, что братья не узнали Иосифа, свидетельствует, по ТП, о том, что иудеи придут на Страшный суд, не узнав имени Христа, явление Иосифа братьям — явление Христа апостолам, высланные за Иаковом четырехколесные колесницы — четыре евангелиста, Ефрем и Манассия — Ветхий Завет и Новый Завет.¹²

Использование в ТП типологических пар, столь детально толкующих события определенных сюжетов, можно сравнить со множественными пристройками к большим зданиям, под которыми в данном случае следует понимать основные (традиционные) типологические пары. Следует полагать, что роль ТП в построении типологических пар была минимальной: большинство их встречается в более ранних текстах. Создатель ТП, как следует из текста, видел разницу между типологической парой и обычной параллелью, не допуская произвольных толкований. Все анти-типы ТП не выходят за пределы апостольского времени, за единственным исключением: семь Вселенских соборов (антитип семикратного обхода Иерихона), провиденциальное значение которых никогда не подвергалось сомнению. В других случаях, предлагая параллели из времен послепостольских, ТП подает их в виде вставных новелл. Так, по поводу боя Давида с Голиафом упомянут бывший при императоре Максимиане бой христианина Нестора с языческим силачом. В отличие от изложения «антитипических» событий, это связный рассказ, имеющий начало и конец и вводимый фразой: «Сице же убо брань бѣ нѣкогда въ вѣре крестьянствѣи при Максимьянѣ цесарѣ». Аналогичным образом по поводу дочери судьи Иеффая, обещанной им в жертву, приводится обширный рассказ о чуде св. Георгия, освободившего девушку, отданную отцом на растерзание змею («Приложимъ же убо се слово, аще въкратѣцѣ, подобно Ефтаеви дѣвици...»).¹⁴

¹² Там же. Стб. 337—364.

¹³ Там же. Стб. 753—754.

¹⁴ Там же. Стб. 708—718.

В нескольких случаях роль типов в типологических парах играют животные.¹⁵ Самым известным из использованных в ТП типов Христа является жертвенный агнец. Как о типе Христа говорится о голубе, выпущенном Ноем,¹⁶ а также о единороге. Аллегорическое по сути уподобление ворона (выпущенного Ноем и невернувшегося) иудеям обозначено («прообразова») как тип.

Сейчас мы позволим себе небольшое отступление, которое, как будет видно далее, необходимо сделать именно здесь. Вслед за рядом исследователей мы рассматриваем ТП в целом как памятник неоконченный. В то время как А. А. Шахматов считал, что у первоначальной ТП было окончание,¹⁷ В. М. Истрин предполагал, что она изначально была неполной.¹⁸ Помимо довольно-таки нелогичного окончания исследователями отмечались разбросанные по тексту ТП замечания, которые можно рассматривать как свидетельство намерений автора ТП довести свое повествование по крайней мере до новозаветных событий. Так, обращало на себя внимание следующее обещание автора: «...имамъ ти предложити и всѣхъ пророкы глаголавшая порядку».¹⁹ В. М. Истриным упоминаются также неосуществленное намерение автора ТП изложить родословие Богородицы, рассказать о поклонении Ваалу и упомянуть о звезде, которая воссияет от Иакова.²⁰ К этому можно добавить, что, завершая рассказ о св. Георгии, ТП замечает: «...но пошедь о семь паку укажемъ ти».²¹ Ничего этого в дальнейшем в тексте мы не находим, и ТП оканчивается описанием царствования Соломона.

ТП — памятник весьма непропорциональный. Задуман он был с большим размахом — как толкование множества имевшихся у его автора текстов — от канонических до апокрифических. При создании его не было, как мы полагаем, ни детального плана соотношения «основного текста» и толкований, ни каких-либо завершенных «заготовок» для разных частей памятника: создавался он последовательно. Избранный автором ТП монументальный ритм изложения и толкования (на который, как нам кажется, решающее влияние оказал Шестоднев Иоанна Экзарха, лежащий в основе начальной части ТП) более или менее выдерживается на двух третях текста. Начиная примерно с повествования об Иисусе Навине, он сменяется довольно беглым рассказом, включающим все меньше и меньше толкований. Киноварью начинают указываться библейские книги, лежащие в основе повествования.

Здесь вполне логично задать вопрос: тот ли же самый автор писал последнюю треть текста? На этот вопрос мы склонны ответить утвердительно. В пользу такого решения говорят и манера толкований, и прямые текстуальные повторы. Толкуя, например, фразу пророка Ав-

¹⁵ Использование животных и явлений природы в качестве типов было достаточно умеренным — как в восточно-, так и в западнохристианской традиции. Что касается последней, то, как показывает исследование Ф. Оли, рубжом в этом отношении явился XIV в. Начиная с этого времени количество связанных с природой типов в отдельных текстах сравнивается с количеством типов традиционных. См.: Ohly F. Typologische Figuren aus Natur und Mythos // Formen und Funktionen der Allegorie: Symposium Wolfenbüttel 1978 / Hrsg. v. W. Haug. Stuttgart, 1979. S. 130.

¹⁶ Об использовании этого типа см.: Daniélou J. Sacramentum futuri: (Études sur les origines de la typologie biblique). Paris, 1950. P. 80—85.

¹⁷ Шахматов А. А. Толковая паляя и русская летопись // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. Вып. 1. С. 271—272.

¹⁸ Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906. С. 150.

¹⁹ Палая Толковая... Стб. 475.

²⁰ Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. С. 151.

²¹ Палая Толковая... Стб. 718.

вакума «После коня своя», ТП в своей заключительной части сравнивает апостолов с конями, подобно тому, как в начальной части, говоря о колесницах, посланных за Иаковом, он сравнивает колесницы с евангелистами:²²

Ти бо кони наречени апостоли не отъ-
тають ига, но яко искусни яремъ носить и
слово Господне. Ти бо кони не ремением
стяжени, но совозомъ любве Господня, и
протѣкающе *вселеную* четырьми колесы, таи-
ну смотрения възгрѣмша, добраго всадника
слово носяще, течение праведно сконъчеваю-
ше, гремящая же кола от нихъ 4 евангелы-
сты прообразова, тои бо колесници колеса
всьлѣдують.

И пусти с ними четырехколесная кола, да
приведуть Иякова, отца его, и всю душу
иже съ нимъ. Также и Господь нашъ Иисусъ
Христосъ посла 4 еуангелисты в миръ, иже
възгрѣмша в мирѣ паче коль Осифовыхъ, ту
и четвероконечную вселеную къ вѣрѣ бого-
разумия приведошася.

Почему же ТП осталась неоконченной (а в том, что она не окончена, трудно, повторяем, сомневаться)? Думается, что исследование ее как образа типологической экзегезы во многом помогает ответить на этот вопрос. Дело в том, что репертуар традиционных типов редко выходит за те рамки, которыми ограничена и ТП, — царствованием Соломона, причем большая часть этих типов сосредоточена в первых двух книгах Моисея.²³ Начиная свою работу, автор ТП не испытывал недостатка в материале, но по мере продвижения его работы сведений о типологических парах находилось все меньше, а устанавливать свои собственные он, как мы уже говорили, избегал.²⁴ Несмотря на то что автор ТП нигде не делится своими методологическими принципами, частота использования типологического метода экзегезы в сравнении с другими позволяет утверждать, что создание ТП как экзегетического произведения связывалось именно с ним. *ТП прервалась тогда, когда типологический метод исчерпал свой материал.*

Вместе с тем, как уже отмечалось, наряду с основным, типологическим методом экзегезы ТП связана и с исследованием выполнения пророчеств. Эти методы родственны, поскольку и типы, по выражению Ф. Оли, «также являются пророческим предвозвещением грядущего, однако *in factis*, а не *in dictis*».²⁵ В русле исследования выполнения пророчеств в ТП толкуется целый ряд канонических и апокрифических текстов: благословение Исааком Иакова, сон Иосифа, заветы 12 патриархов, песни Мариам, Деборы и Варака, пророчицы Анны, а также подборки пророчеств Давида и Соломона и др.²⁶

Одним из приемов в рамках такого метода экзегезы является доказательство того, что тот или иной текст Ветхого Завета подразумевал новозаветные, а не какие-либо другие события. Если бы пророк Исайя, говоря об агнце, ведомом на заклание, имел в виду Исаака, а не Христа, то был бы он не пророком, а «сказателем бытию», указывает ТП.²⁷ Ана-

²² Там же. Стб. 827—828 и 358.

²³ Это иллюстрирует, в частности, книга Ж. Даниелю, посвященная исследованию некоторых традиционных типологических пар. Верхним ее хронологическим пределом является сюжет о взятии Иерихона. См.: Daniélou J. Sacramentum futuri...

²⁴ Средневековая западноевропейская традиция (в том числе современная ТП) это порой допускала — вплоть до использования античной мифологии в качестве типов или средневековых правителей — в качестве антитипов (например, Карл Великий как новый Давид). См.: Ohly F. Typologie als Denkform der Geschichtsbetrachtung // Typologie: Internationale Beiträge zur Poetik / Hrsg. v. V. Bohn. Frankfurt/Main, 1988. S. 30—32.

²⁵ Ibid. S. 28.

²⁶ Палая Толковая... Стб. 302, 393, 504, 694—695, 739, 774—828.

²⁷ Там же. Стб. 282.

логичным образом в ТП поясняется, что, когда Бог говорит Аврааму: «...от племени твоего изидеть мужъ онъ, о немже преже рѣх ти», он имеет в виду Христа,²⁸ что предсказания Исаака, Иакова, Иисуса Навина — о Христе.²⁹ Существенное место в такого рода доказательствах (не только в ТП) занимает текст Книги Притчей Соломоновых, где говорится о рождении Премудрости до сотворения мира (8:22—29). Отрицая, что текст этот относится к Соломону, ТП спрашивает: «...и еще Адама не бысть — Соломану где быти?»³⁰

Здесь у нас есть повод перекинуть мостик к еще одному существенному для нашей темы тексту — Пророчеству Соломона (далее — ПС), открывающемуся толкованием указанного текста Притчей: «...не Соломонъ бяше с нимъ преже всея твари, небеса и земли, горъ, ни быль подобень ему: то бо не смѣлъ о томъ ни помышляти, зане согреши акы челоувѣкъ. Но сии глаголи суть Сына Божиа».³¹

Подобно тому как типологический метод определяет экзегезу ТП, толкование пророчеств является основным экзегетическим методом ПС. В свое время на основании ряда фактов мы высказали предположение, что автор ПС, скорее всего, был знаком с ТП и задумывал свое сочинение как продолжение ТП.³² Продолжить ее в русле типологической экзегезы он не мог, так как основные типологические пары относились к тому периоду, которым ограничилась ТП.

В основу ПС была положена подборка пророчеств. Следует отметить, что и сама ТП завершается подборками пророчеств, организованных по определенным темам. Пророчества, использованные ПС, соответствуют, как можно полагать, пророчествам, содержавшимся в утраченном сборнике Михайловского Златоверхого монастыря (ЦНБ АНУ, № 493/1655). Об объеме этой подборки мы можем судить по карандашным пометам (оставленным, как мы думаем, А. А. Шахматовым) на копии текста ПС из собрания Красинских (БАН, № 34.2.6). Наряду с фрагментами хронографов и рядом других текстов эта подборка пророчеств была истолкована создателем ПС.

Не только исследование пророчеств, но и типология, и аллегория в рассмотренных случаях не соотносимы с понятием литературного приема, а если и соотносимы, то в той небольшой степени, в какой событие как знак было освобождено от своего конкретно-исторического и сакрального смысла. Как справедливо отмечает К. Вулкомб, «знак (или символ) в некотором смысле действительно *был* тем, что он представлял, предполагалось также, что тип (или прообраз) в определенном смысле *был* действительно тем, что он прообразовал».³³ Разумеется, в сфере христианской экзегезы освобождение означającego от означаемого невозможно: это предполагало бы выход за пределы понятийной системы христианства, подобно тому как выход из системы языческой мифологии сделал возможным ее использование для построения чисто литературных аллегорий. Именно об этой подстерегающей христианского экзегета опасности пред-

²⁸ Там же. Стб. 287.

²⁹ Там же. Стб. 305, 335, 678.

³⁰ Там же. Стб. 5.

³¹ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 67/1144, л. 1 об. Этот же аргумент читается и в Прении с иудеями при Софонии, помещенном наряду с ПС в сборнике из собрания Красинских (БАН, № 34.2.6, л. 131 об.).

³² См.: Водолазкин Е. Г. «Пророчество Соломона» из собрания Кирилло-Белозерского монастыря: (К проблеме полемической литературы в Древней Руси) // Монастырская культура: Восток и Запад / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 1999. С. 59—67.

³³ Woolcombe K. The Biblical Origins... P. 75.

упреждает Пелагий, когда говорит, что аллегорическое толкование следует использовать так, «чтобы при этом не исчезала правда истории».³⁴ Выражение Пелагия знаменательно, поскольку библейские события не только сакральны: они историчны.

Иными словами, в каком бы экзегетическом контексте ни находился библейский сюжет, он как знак всегда должен был соответствовать своему сакральному и историческому содержанию. Вместе с тем, хотя тесная связанность «слов и вещей» в области сакрального не позволяла знаку расставаться с означаемым, она не препятствовала ему расширять сферу означаемого. Это происходило в разных формах и с разной степенью интенсивности. Один из таких случаев (апология в форме полемики) ранее был описан нами на материале двух рассматриваемых произведений.³⁵ В заключение приведем таблицу типологических пар, использованных в ТП.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Типологические пары Толковой Палеи*

первых три дня творения	трехдневное пребывание Христа во гробе (14—15)
трехдневное пребывание Ионы в чреве кита	трехдневное пребывание Христа во гробе (82)
Бог вдохнул в Адама жизнь	сошествие Святого Духа на апостолов (112)
древо познания, древо искушения	крестное древо (126—127, 149, 159, 185, 328)
strup от ребра Адама	спасительная кровь от ребра Христа (130)
Ева	Дева Мария (132, 159, 185, 326, 328)
сладость яблока, съеденного Адамом	горечь уксуса, выпитого Христом (159)
женщина создана из Адама без семени	Христос был зачат без семени (185)
съев яблоко, Адам скрывался	когда был распят Христос, по всей земле была тьма (186)
Ева была сотворена из шестого ребра	шестое ребро Христа пронзили копьем (186)
человек Адам познал смерть	Богочеловек привел людей к бессмертию (186)
Авель	страсть Христова (189, 328)
Енох	воскресение Христово (198)
ворон, посланный Ноем	иудеи (209—210)
голубь, посланный Ноем	Христос (214); сошедший на Христа при крещении Дух Святой (215)
пять ветвей, принесенные Ноем	пятикнижие Моисея (214), крест Христа (214—215)

³⁴ Цит. по: Pepin J. Allegorie und Auto-Hermeneutik // Typologie: Internationale Beiträge zur Poetik / Hrsg. v. V. Bohn. Frankfurt/Main, 1988. S. 130—131.

³⁵ См.: Водолазкин Е. Г. «Пророчество Соломона» из собрания Кирилло-Белозерского монастыря... С. 59—67.

* В скобках указаны столбцы по изданию: Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892—1896.

голубь знаменовал окончание потопа	ангелы знаменовали восшествие Христа на небо (215)
обитатели ковчега разошлись по земле	апостолы разошлись по земле с проповедью (216—217)
три цвета радуги	Троица (223—224)
Мелхиседек	Христос (260—262)
три мужа у Авраама	Троица (267)
в Содоме не нашлось десяти праведников	в Иерусалиме перед его падением не нашлось десяти праведников (273)
жена Лота	иудеи (274—275)
Измаил и Исаак	Ветхий Завет и Новый Завет (276—278)
Исаак	Христос (281—282)
три дня пути Авраама к горе	воскресение Христа на третий день (282—283)
Авраам, путешествуя три дня, видел гору	апостолы три дня смотрели на гроб Христа, ожидая воскресения (283)
заклание агнца вместо Исаака	освящение Христом хлеба и вина для причастия (288)
возвращение Авраама с Исааком	возвращение Христа на небо (288)
Исав и Иаков	Ветхий завет и Новый Завет (291—293)
70 пророков	70 апостолов (292)
12 великих пророков	12 великих апостолов (292)
скрижали	Евангелие (292)
Моисей и Аарон	Петр и Андрей (292)
обрезание	крещение (292, 655)
целование Иакова	целование Иуды (302)
лестница Иакова	крест (307)
восходящие и нисходящие по лестнице ангелы	крестившиеся народы и иудеи (307)
гибель человечества от воды потопа	крещение Христа водой (328)
строительство Вавилонской башни	камень гроба Господня (328)
три жезла, положенные в воду Иаковом, поившим овец	крещение Христа во имя Отца и Сына и Святого Духа (333—334)
овцы, пасомые Иаковом	христиане как «словесные овцы» (334)
Иосиф	Христос (337)
братья Иосифа	иудеи (337). Иуда Искариот (340, 342)
Иосиф во рву	Христос во гробе (340)
приход Иосифа в царство Египетское	вознесение Христа в Царство Небесное (341—342)
приготовление для Иакова ризы Иосифа	раздел одеяний Христа (343)
измаильтяне ведут Иосифа в Египет	иудеи ведут Христа к Пилату (344, 345)
Потифар	сотник Лонгин (344—345)
жена Потифара	жена Пилата (345—346)
обличение Иосифом жены Потифара	обличение Христом самарянки (346)
заклчение Иосифа по навету жены Потифара	распятие Христа по требованию иудеев (346)
Иосиф и два слуги фараона	Христос и два разбойника (346—347)
изведение Иосифа из заключения	воскресение Христа (347)
повеление Иосифу быть судьей всему Египту	суд Христа (347)

имя, данное Иосифу фараоном (Псон-фомфаних)	именование Христа Вседержителем (347)
предвидение Иосифом семи лет голода и собирание запасов пшеницы	уготовление Богом семи тысяч лет, пшеница — апостолы, пророки, святители, преподобные, мученики и мученицы (347—348)
голод в земле Иакова	духовный голод, постигший иудеев (348)
братья не узнали Иосифа в Египте	иудеи придут на Страшный суд, не узнав имени Христа (349)
Иосиф	апостолы (349—350)
явление Иосифа братьям	явление Христа апостолам (357)
высланные за Иаковом четырехколесные колесницы	четыре евангелиста (358)
Ефрем и Манассия	Ветхий Завет и Новый Завет (364)
брак Моисея с иноплеменницей	обручение Христа с церковью, состоящей из бывших язычников (477)
неопалимая купина	Богородица (480)
кровь агнца на порогах перед исходом	кровь Христа (494—495)
переход через Черное море	непорочное зачатие (499), крещение (500)
камень, источивший воду	Христос (500)
фараон и его противление Богу	иудеи и их противление Христу (504)
три ветви, данные Моисею ангелом	Троица (512), крест (513)
превращение посредством древа горькой воды в сладкую	освящение крестного древа кровью Христа (512—513)
12 источников воды в Елиме и 70 ветвей финика	12 апостолов и 70 их учеников (514—515)
появление в пустыне перепелов	мать, съевшая в осажденном Иерусалиме свое дитя (519)
источник, высеченный Моисеем в пустыне	пересохшие источники в осажденном Иерусалиме (519)
насыщение манной в пустыне	питание нечистотами в осажденном Иерусалиме (519)
распростертые руки Моисея	распятие (520—521)
камни, на которых сидели Аарон и Ор	камни гроба Господня (520—521)
Аарон и Ор, поддерживавшие руки Моисея	разбойники, распятые с Христом (521)
70 старейшин	70 апостолов (522)
окропление людей кровью жертвенного тельца	кровь Христа (525—526)
схождение Бога на Синай	рождение Христа от Девы (538)
Моисей видит Бога в облаке	апостолы Христа осознали (538)
скрижали разбились	Евангелие распространилось (538)
иудеи, любимые Богом, создали тельца	прежде забытые язычники крестятся (539)
12 колен Израиля	12 апостолов (556)
гнев Божий на Аарона и Мариам за осуждение Моисея	гнев Божий на иудеев, не узнавших в Христе Бога (560)
Иисус Навин с 12 мужами	Иисус Христос с 12 апостолами (561—562)
неправедная жертва Надава и Авиуда	Анна и Каиафа (564—565)
наказание роптавших на Моисея и Аарона	наказание роптавших на Христа (566)
создание Моисеем медной змеи	распятие Христа (570—572)

гибель язычников перед лицом Израиля	гибель иудеев перед лицом христиан (592, 674)
пресечение Иордана	гибель рода иудейского (652)
семикратный обход Иерихона	семь Вселенских соборов (661)
во время битвы с гаваонитянами солнце остановилось	во время распятия Христа солнце померкло (668—669)
закон об изгнании убийцы до смерти великого священника	Христос и распятый с ним разбойник (672—673)
сошествие росы на руно	воплощение Христа (698—699)
Саул и Давид	иудеи и христиане (749)